

Художник Юрий Норштейн в интервью «Газете»

«Исчезла генетическая устойчивость к пошлости»

Негосударственная профессиональная премия «Мастер» за достижения в области изобразительного искусства возникла по инициативе галереи «Ковчег» три года назад. Лауреатами в этом году стали супруги и соавторы Юрий Норштейн и Франческа Ярубсова, создатели всемирно известных анимационных лент «Сказка сказок» и «Ежик в тумане». Они выделены жюри арткритиков за совместную выставку в Музее личных коллекций, которая прошла с огромным успехом и неоднократно продлевалась организаторами. С лауреатом премии «Мастер — 2005» Юрием Норштейном встретилась Татьяна Невская.

Юрий Борисович, ваши фильмы «Шинель», «Сказка сказок», «Цапля и журавль», «Ежик в тумане» создали вам славу гения мультипликации. Тем не менее говорят, что вы случайно пришли на студию «Мультфильм».

Случайно. Я и сейчас все еще не уверен, что это — мое.

Но рисовал я всегда: ходил в изостудию Дома пионеров, потом — художественная школа. Я думаю, там собрались опальные учителя, они жили искусством. Впоследствии выяснилось, что в этой школе учились многие мультфильмовцы: Геннадий Новожилов, Володя Попов, Валя Караваяев, Эдуард Назаров, Франческа Ярубсова, моя жена.

За годы вашей работы над «Шинелью» было много об этом написано, в частности о том, как вы воплощаете в мультипликации гротеск.

На самом деле, если внимательно подумать, это никакой не гротеск. И «Шинель» не гротеск, и Гоголь не гротеск. Гоголь — не сатирик. Салтыков-Щедрин — сатирик. Гоголь нечто большее. Если бы он был только сатириком, я не думаю, что он занял бы такое гигантское место в мировой литературе. Это нечто

большее. А вот что большее — загадка, и для меня это тайна.

Но это вовсе не значит, что я не знаю, что делать.

Есть моменты, когда происходит война с самим собой. Они сопровождают любого человека в любом творчестве.

Я прекрасно знаю, что делать.

Но мне трудно говорить, что это будет. Может показаться, что режиссер должен все до конца видеть, а если он не видит, это может вызывать смущение, зачем он тогда берется за кино. Для меня задуманное кино никогда не совпадает с результатом. Кроме того, если бы я сказал: «Я все пережил, осталось только сделать», — это была бы глупость. Великий французский режиссер Рене Клер сказал однажды фразу, которую любило цитировать наше Госкино: «Фильм сделан, осталось его только снять». Эта фраза абсолютно невежественна для кинематографа. В конце жизни Рене Клер каялся, называя эту фразу глупостью. Я думаю, она была скорее направлена на журналистов, а может, на продюсеров, чтобы деньги давали.

Для меня кино открывается по мере снимаемых сцен. В каждой сцене таится неожиданность, несмотря на то что мультипликация разрабатывается заранее. Я тем более этим занимаюсь, поскольку я режиссер и мультипликатор одновременно. Я должен был, казалось бы, хорошо видеть будущий эпизод, сцену и так далее. Но этого не происходит. Все равно фильм разворачивается, как будто ты открываешь свиток, и что там внутри, ты не знаешь. Знаешь только, что загнал туда некоторые ощущения будущего фильма. Но твердо до конца сказать, какие будут рифмы, строй фразы, — этого не скажет никто. Это было бы самонадеянностью.

Я могу сказать только, о чем я думаю, что преследует меня, почему я делаю это кино. Какие мучения претерпевают эмоция и мысль. И почему ты взялся за это кино, и что в твоей жизни откликается на эту повесть.

Фото: ИТАР-ТАСС

Если переживания не сдерживаемы ничем, если они искренни, если они не замыслены специально на публику, а являются просто частью всего состава твоего — кровяного, нервного, они не могут не отразиться в работе.

Когда смотришь ваши фильмы, поражает их непохожесть на работы ваших очень небесталанных товарищей по цеху. Вы вообще другой.

На самом деле каждый человек — другой. Может быть, каждый делал бы по-иному фильмы и не старался скрыть, что он другой. Но мешает боязнь не попасть в унификацию окружающей мысли.

Вот, например, все очень любят говорить «совдепия». Я терпеть этого не могу. Не потому, что во времена те я не испытывал давления. Но я жил в том времени, тогда рождались, жили и умирали мои близкие. Я не могу определить это словом «совдепия». Кроме того, я отношусь несколько по-иному к общественным явлениям

и не хочу рифмоваться с общим отношением к будто бы уже установленным порядкам. На самом деле боязнь быть самим собой, попытка пристроиться и есть та же самая «совдепия».

У меня есть отношение к истории, к жизни, где очень много обертонов. Даже Шаламов, самый трагический голос XX века, не нивелировал время советской власти, потому что, говоря об этом времени, он оставался на невероятной, недостижимой высоте человеческого достоинства.

Мы говорили уже о том, что вы случайно пришли в мультипликацию. А чем вы собирались в жизни заниматься?

Живописью. Я ее люблю превыше всего. Как абсолютно выдающееся человеческое деяние. Мне иногда бывает грустно оттого, что наступит безвременье и я никогда больше не увижу «Возвращение блудного сына» Рембрандта. Или «Менины» Веласкеса. Это такое надмирное, именно оно дает тебе

подлинность человеческого существования, а не ерничество по отношению к недавнему прошлому. Поэтому я люблю живопись и все, в чем заключен высокий дух. Прежде чем авторы шедевров пришли к великим результатам, они пережили колоссальные трагедии. Рембрандт — человек светский — пал на дно жизни. Ван Гог был беден, как церковная мышь. И, если бы не брат, то понятно, что с ним бы стало. Тут надо знать, какой ценой это все покупается. Как сказала Ахматова: «Какой ценой купил он слово».

Вам важно бывать в музеях?

Непрерывно. Иначе у меня пересыхает во рту. Я многое люблю. Гойю, «Пьету» Микеланджело, «Троицу» Рублева — вещь, которая мгновенно поселяет в тебя жизненный смысл.

Я довольно хорошо знаю живопись, которую люблю. И памятью возвращаюсь к ней. Могу вспоминать фактуры, живописные метания, невероятной силы живописную страсть.

Расскажите о вашем опыте с японцами.

Был такой проект у японцев, который должен был состоять из 36 фильмов по 36 стихам Басё. По-японски это называется рёнку — сцепленные строки. Когда трехстишья соединены между собой тайными ходами: либо предметным миром, либо образами, метафорами. Они составляют единый цикл. И вот японцы пригласили 35 режиссеров мира. От России были Александр Петров и я. Каждый должен был сделать 30-секундный фильм по этим стихам. Практически никто не уложился в эти 30 секунд. Меня часто спрашивают, пойдет ли это на российских экранах. Нет. Это все требует перевода. И потом беда в том, что настолько уже искажены невидимые кодовые знаки зрителей, их генетическая устойчивость по отношению к пошлости, что трудно зрителей вернуть к пониманию, что есть подлинное, а что — суррогат.